Научная статья

УДК. 821.351.42"19":808.1Мамакаев

ББК. 83.3 (2=Чеч)6

Д 40

doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-122-129

**Композиционно-структурные особенности
повествования в прозе М.Мамакаева
(на материале романов «Мюрид
революции» и «Зелимхан»)
(Рецензирована)**

Т. Б. Джамбекова¹, Д. С.Товсултанова²

*^{1,2}Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный,
Россия,*

¹atb-1952@mail.ru

²djema-88@mail.ru

Аннотация.

Творчество выдающегося чеченского писателя, мастера лирического и убеждающего слова, Магомеда Мамакаева (1910-1973) в наши дни вновь притягивает внимание общественности и приобретает статус объекта не только для отклика критиков, но и для научного исследования в связи с актуализацией многолетней проблемы социально-политических конфликтов, охватывающих весь мир, а также в связи с новой волной переоценки исторических событий в России начала XX века, в частности роли Октябрьской революции 1917 г. в истории горских народов. Целью исследования является характеристика жизненных и эстетических событий романов «Мюрид революции» и «Зелимхан» М. Мамакаева. В задачи исследования входит анализ сюжета и стиля романов, характеристика образов главных героев, определение особенностей художественного мастерства писателя. Полученные результаты подтверждают мысль о единстве противоположностей в структуре повествования, о диалектической сбалансированности частей целого в произведении, о доминирующем тоне автора, что придает художественной структуре «дух целого», придавая всем элементам признаки фрактальности.

Ключевые слова:

роман, наратор-хроникер, повествование, документальность, герой, народ, революция, абречество.

Original Research Paper

**Compositional and structural features of the
narration in the prose of M. Mamakaev
(based on the novels “Murid
of the Revolution” and “Zelimkhan”)**

T.B. Dzhambekova¹, D.S. Tovsultanova²

^{1,2} *Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia*

¹ *atb-1952@mail.ru*

² *djema-88@mail.ru*

Abstract.

The work of an outstanding Chechen writer, master of lyrical and persuasive speech, Magomed Mamakaev (1910-1973), nowadays again attracts public attention and acquires the status of an object not only for the response of critics, but also for scientific research in connection with the actualization of the many-year problem of social political conflicts covering the whole world, as well as in connection with a new wave of reassessment of historical events in Russia at the beginning of the twentieth century, in particular, a reassessment of the role of the October Revolution of 1917, including its role in the history of mountain peoples. The aim of the study is to characterize the life and aesthetic events of the novels “Murid of the Revolution” and “Zelimkhan” by M. Mamakaev. The research objectives include: an analysis of the plot and style of the novels; characterization of the images of the main characters; determination of the features of the writer’s artistic skill. The results obtained confirm the idea of the unity of opposites in the structure of the narrative, of the dialectical balance of the parts of the whole in the work, of the dominant tone of the author, which surrounds the artistic structure with the “spirit of the whole”, giving all elements the signs of fractality.

Keywords:

Novel, narrator-chronicler, narration, documentary, hero, people, revolution, abrekcy

М. Мамакаев создал свой главный документально-исторический роман «Мюрид революции» (1962) в советскую эпоху, в духе социализма, что не могло не наложить отпечаток публицистичности и риторической поэтики на стиль и нарративно-композиционные схемы романа, не могло не определять параметры и образно-стилевую природу его художественного текста (далее – ХТ.). Событийная канва, фабула романа обязаны своей динамикой реальной истории 1917-1918 годов, однако фон и подтекст наррации позволяют читателю заглянуть в далекое прошлое: читая стихи и песни, вкрапленные в ткань повествования, легко увидеть особенности фольклорного творчества вайнахов, конкретизировать наши представления о событиях на Кавказе начала XX века, о которых сегодня вновь спорят историки, культурологи, журналисты и все активные граждане. Например, историк и культуролог Е. Дунюшкин писал о непопулярности индустриального,

промышленно-фабричного труда в Чечне, констатируя «отсутствие стремления к работе в промышленности и традиционное желание заниматься скотоводством» [1: 135]. Роман М. Мамакаева опровергает это положение: изображая рабочих Грозного, борющихся за свои права, автор неоднократно упоминает о фабричном пролетариате как многочисленном отряде борцов за свободу и независимость народа. Обезземливание крестьян и увеличение числа безлошадных семейств до 20% стимулировало трудовую миграцию и создавало экономическую базу для работы мануфактур, а позже - мастерских, нефтепромыслов, заводов. Это, в свою очередь, стимулировало рост урбанизма, о чем хорошо известно в науке.

Стержнем композиционно-сюжетного целого в романе выступает образ реального человека, героя чеченского народа Асланбека Шерипова, о котором М. Мамакаев написал также публицистический очерк,

в котором подчеркнул литературный талант борца за свободу, с одинаковым рвением писавшего и стихи, и листовки. Современные литературоведы Т.Б. Джамбекова, О.А. Джамбеков также подчёркивают: «...характеристика [Шериповым] образов благородных абреков Гехи, Юсупа, сына Мусы и Асира, созданных по мотивам народного творчества, говорит о несомненном литературном даровании А. Шерипова» [2: 114]. Замысел создания романтизированного образа «сокола революции» не был новым – в литературе уже существовали герои М. Горького, Н. Островского, А. Платонова, М. Шолохова и др. Однако для чеченской словесности воссоздание характера героя из народа, поддержавшего большевиков, оставалось в 1960-е годы актуальным, как остается актуальным создание положительного героя из народа сегодня.

В теоретическом плане проблема положительного героя может быть сформулирована как проблема культурософского баланса этического идеала и эстетического завершения рассказа о герое как проявление и реализация идеала эстетического, соединяющего законы красоты и законы нравственного самосовершенствования личности. В этой плоскости важен писательский поиск такого гармоничного сочетания целеполагания нарратора, фабульного развития, приемов выразительности и компонентов эстетической архитектоники. Это такое сочетание компонентов ХТ, которое придает каждому уровню сюжета характер значимого художественного высказывания и фрактальной структуры повествования. Патетический модус романтизированной наррации в романе «Мюрид революции» представляется нам её стилиевой доминантой, хотя неизбежны и оговорки, продиктованные реалистическим мировоззрением автора-коммуниста. Эпическая песнь «безумству храбрых», хвала смелости бойцов за новую жизнь уравнивается в

событии рассказывания авторским пониманием противоречий революции, что логично, если смотреть на ХТ с учетом временной дистанции. Баланс оценок и переоценок прошлого устанавливается также наличием собственной правды у многих персонажей, что тоже естественно, если учесть многоголосицу революционных эпох, одновременно трагичных и прекрасных, в контексте социальной полемики и полыхания страстей.

В романе представлены, кроме главного героя, характерные для своего времени персонажи, истинные герои своего времени: бунтарь РешидГазиев, мудрец Элса, отец Решиды Гази из Боря, вожак рабочих К. Лозанов, генералы Алиев или Чуликов, полицейский пристав Беликов, молодые царские офицеры, богатей Абдул-Муслим Билтоев, отец возлюбленной Асланбека, грозненские рабочие, русские казаки, исторические деятели (Тапа Чермоев, Н.Ф. Гикало, Деникин), имамы и «святые носители шарията».

Убедительно и достоверно показан русский герой рабочего класса Н.Ф. Гикало, призывающий чеченцев к интернациональной дружбе. И тут же, в структуре фактуально-документального сюжета, калейдоскопически, в ритме броуновского движения сюжета фикционального, мелькают образы врагов, быстро сменяют друг друга реалистичные картины заговоров и боев, о которых нарратор-хроникер сообщает подробную информацию, подбирая символические детали: *Но вот среди залегших цепей белых появился полковник Булгаков. Он был человеком храбрым и старался теперь личным примером воодушевить наступающих. Он вертелся на коне с биноклем в руке, кричал не то ездовым, не то дрогнувшим рядом солдат, отдавал какие-то приказания. Много партизанских винтовок выбрало себе эту мишень, и неизвестно, чья пуля поразила, наконец, полковника – старого Элсы или Хамида, а может*

быть, весельчака Абдул-Керима, – только вдруг полковник откинулся назад, бинокль взлетел вверх. Белоногий конь дико шарахнулся в сторону и понес седока, волоча его за ногу, застрявшую в стремях [3: 217]. Конь, волочивший убитого полковника, становится эмблемой неразрешимого конфликта, символом гражданской междоусобицы на Кавказе. А это и есть скрытый двигатель наррации. Автор, противореча своему мировоззренческому замыслу, показал не только классовый конфликт, но и конфликт этнорелигиозный, социокультурный. Участники боя стоят не только по разные стороны политических баррикад, но и по разные стороны культурной традиции, укорененной в глубинных пластах массовой психологии.

Пестрая вереница образов не затмевает в нарративе ключевой образ горца А. Шерипова, который выступает в структуре ХТ своеобразной «несущей конструкцией». Основоплагающей деталью служит возраст героя. Роман предваряет Посвящение «Первым комсомольцам Чечено-Ингушетии». Молодежь названа главным адресатом, и молодые люди являются главными действующими лицами в ХТ. Важной архитектурной деталью следует считать начало романа – «Вместо предисловия». Почему «вместо»? Автор так поясняет свои творческие установки и интенции: «...первый вариант этой книги был написан мною в 1936 году...писал я тогда, излишне увлекаясь экзотикой, совершенно не вязавшейся с образом моего героя... Чем больше я знакомился с жизнью Асланбека Шерипова, тем яснее он рисовался мне самым обыкновенным человеком, но с твердым характером и сильной волей, храбрым и правдивым» [4: 3]. Краткие замечания автора помогают конкретизировать его точку зрения: герой не нуждается в идеализации, он был простым парнем, мог заблуждаться, но его искреннее желание помочь родным и близким – важнейшее

качество, переживание, концентрирующее и передающее от поколения к поколению глубинные эмоции простого народа, в любой исторической ситуации хранящего в своей массе генетические следы национальной идентичности.

Важен для понимания архитектурного целого эпиграф – слова самого героя, задокументированные в научных очерках и устных воспоминаниях. Эти слова: «Мы вам покажем, как надо умирать за свободу! В нас вы не увидите мюридов газавата, но найдете мюридов революции!» [4]. Их можно воспринимать как мифологизированную квинтэссенцию духа несогласия чеченской молодежи тех лет с многолетним угнетением и ложью власти. В то же время, это клятва героя, воспитанного не только на архетипах тейповой психологии, эксплицируемой в балладах, песнях, легендах древности, но и на книжной традиции – Асланбек Шерипов, собирая фольклор, создавая собственную лирику в подражание народной традиции, в то же время был образованным человеком, читавшим много классических произведений русской литературы. Он защищал классику от тех, кто не видел в поэзии пользу для революции, писал о взрывной силе поэтической пропаганды. Его письма и листовки являются примером революционной агитации и пропаганды, доступной самым широким слоям народа.

Героизация и определенная идеализация главного персонажа не отменяет публицистическую точность и документальную фундированность наррации. Нет в романе ложного пафоса, доминирования плакатного слога и лакировки действительности, какую мы встречаем, например, в прозе авторов Пролеткульта, в произведениях многих писателей – представителей школы социалистического реализма. Источник достоверности в романе – конкретные исторические данные, освещаемые сегодня с разных позиций. Динамику сюжету М. Мамакаева

придает именно динамика событий тех огненных лет. Февральская революция, хотя и была быстрой и не кровопролитной, не радовала результатами. Большевики радикализировали исторические процессы, свергли Временное правительство, сорвали Учредительное собрание. Октябрь 1917 года дал толчок многим всемирным переворотам. В романе об этом повествует в основном автор, но отголоски Октября на Кавказе показаны через разговоры горцев, через митинговую горячность дискуссий у ворот тюрьмы, через накаленную атмосферу собраний в аулах. Особое место в структуре повествования занимает описание дебатов на съездах народов Терека. На втором Съезде в марте 1918 г. присутствовал молодой парень, увлекшийся классовой борьбой, Асланбек Шерипов, которого избрали членом Терского Народного Совета. А уже летом того же года состоялся четвертый Съезд, на котором советская власть стала основой социальной жизни.

Художественное мастерство писателя многим обязано его умению строить повествование на основе динамической смены эпизодов, мотивов и единиц наррации, которые воплощают авторский замысел – показать становление личности борца за новое общество, борца, идущего ради идеи на смерть и павшего в борьбе против врагов Советской власти (в романе датой смерти объявлен 1918 г, в других источниках – 11 сентября 1919 г. См.: Мемориальный Дом-музей героя Гражданской войны А.Д. Шерипова. Грозный, 1981. С 8. URL:<https://neb-chr.ru/reader/?check=2594-45ab8ecf2f8da272f4b4759146f7f362>; 140-летие со дня основания г. Грозного и 40-летие стодневных боев в Грозном (Материалы к лекции). Грозный: Грозненский рабочий, 1958. – 18 с.).

Исторические факты и документы, положенные в основу рассказа о жизни и смерти «сына гор», сближают нарратив с традиционным дискурсом о революции и гражданской

войне. Но есть у М. Мамакаева и свой взгляд на прошлое, своя концепция прихода горцев к революционному противостоянию бедности и богатства. Резкий сдвиг в массовом сознании, скачок в ментальном строе героя, на наш взгляд, обусловлены историческими обстоятельствами.

Активное участие значительных масс вайнахов в 1917-1919 годы в социальном водовороте на стороне большевиков, думается, не было лишь случайностью или результатом пропаганды коммунистов. Красивые лозунги – только малая часть успеха дела В. И. Ленина и его сподвижников, представленных в романе в образах С. М. Кирова и С. М. Орджоникидзе. Сама жизнь, нужда и несправедливость толкали народ на бунт. Именно поэтому в народном сознании образ абрека редко соединялся с образом обычного убийцы или иного преступника.

Внутренняя композиция в «Мюриде революции» зависит во многом от массовых сцен, от показа коллективной жизни трудового люда, солдат, рабочих заводов и фабрик. Коллективный портрет чеченских бедняков, картина предреволюционной Чечни в романе состоит из множества эпизодов, включая эпизоды любви Асланбека и Хавы, имеющей непосредственное отношение к социально-политическим мотивам ХТ, к конфликту бедности и богатства, к проблеме социальной несправедливости, актуальной для многих народов и сегодня.

Этот ключевой мотив прослеживается и в другом произведении М. Мамакаева – в романе «Зелимхан», созданном в годы хрущевской оттепели, завершеном в конце 1960-х гг. и опубликованном в 1968 году. М. Мамакаев, хорошо знающий, что такое унижение и боль, ведущие к созреванию «гроздей гнева», создал образ абрека – чеченского Робин Гуда, совершающего преступления ради восстановления справедливости и защиты «униженных и оскорбленных». Зелимхан Гушмазукаев

(Харачоевский) был популярным героем Чечни, «защитником бедных, сирот и убогих». Автор так характеризует героя: *Воспитанный в горном ауле в нормах наивной, но возвышенной горской морали, он вдруг столкнулся с подлостью окружающей его жизни. Он не мог принять эту жизнь такой, какой она предстала перед ним, и внутренне созрел для того, чтобы объявить ей войну* [4: 54]. Данная оценка героя противоречит воспоминаниям российских офицеров и документам историков XX в., которые заклеили абречество, трактуя его как вид разбоя и антиюридика в патриархально-родовом, тейповом мышлении. Противоречие наблюдается и в сознании биографического автора, который, противореча партийной дисциплине, воспекает Зелимхана – народного заступника, причем интонационный подтекст, голос автора-повествователя и ритмико-композиционный строй повествования показывают абсолютную уверенность и автора-демиурга, и автора-нарратора в правоте героя и его праве на кровную месть и на месть чиновникам, оскорбившим его чувство человеческого достоинства. Герой из гущи народа мстит за весь народ, именно поэтому в мифе о Зелимхане так много уступок общественному мнению, хотя автор осознает всю трудно постижимую природу, а порой и непостижимость моральной дилеммы о сути добра и зла при анализе абречества.

Амбивалентность позиции героя и автора коренится в противоречиях общественного сознания, в исторической природе архаических (архетипических) представлений о добре и зле в культуре разных народов. Эту проблему, влияющую и на выбор композиционных форм, можно объяснить не только биографическими корнями личной обиды М. Мамакаева, претерпевшего гнусные преследования сталинских властей и тюремный террор, но и самой природой коммунистического правления в XX веке, одновременно и лицемерно-

народного, и номенклатурно-антинародного. Репрессии по отношению к личности и целым этносам, характерные для тоталитарных режимов, Мамакаев по объективным причинам обсуждать не мог, но в формате мифопоэтическом, в рамках исторического жанра он мог намекнуть на конкретно-исторические и в то же время панхронические обстоятельства. Например, известное письмо Зелимхана 1909 года на имя Председателя Госдумы воспринимается сегодня и как «крик души», оскорбленной измыслительскими системами, и как социально-политическое объяснение неизбежности конфликта: *Я знаю, вернуться к мирной жизни мне теперь невозможно. Пощады и милости тоже я не жду ни от кого. Но для меня было бы большим нравственным удовлетворением, если бы народные представители поняли, что я не родился абреком, не родился абреками также мой отец, брат и другие товарищи* [4: 3].

С одной стороны, слова народного мстителя близки идеалам «закона предков», о котором с пафосом говорит отец героя Гушмазуко, представляющий род Бахоевых. Но, с другой стороны, нет селенья, «где бы жили абреки». Одиноким волки, абреки, словно истерзанные погоней звери, прячутся по лесам, обрекая на страдания близких людей. И закон на стороне преследователей, пусть и рисуются они черными красками. Зелимхан справедливо винит верхушку общества за возникновение партизанщины в горах. Ведь он сам был простым батраком, пусть и неординарной личностью, прекрасным охотником и стрелком, безоглядная храбрость которого стала легендой. Этот постулат в романе Мамакаева можно считать зачином широкой дискуссии о виновниках нарушений закона. Автор подчеркивает, что многочисленные боевые подвиги абрека не дали ему «ни покоя, ни счастья», он не приобрел желанной свободы. Характерно и мнение

Асланбека Шерипова о живучести явления абречества и его причинах: *Власть терроризировала народ, а абреки терроризировали власть* [4]. Иными словами, действие породило противодействие. Характерна внезапность действий и в этом произведении: «Зелимхан поднял сверкнувший на солнцереvolver. Раздался выстрел...» [4: 133].

Такова типичная фабульная сцена. Внезапные появления героя, неожиданные стычки и нападения служат маркерами авантюрного жанра, хотя эти фоновые элементы не меняют общую структуру исторического повествования. Финал романа несколько отличается от данного историками описания гибели Зелимхана, преданного теми, кто прикидывался его друзьями. Домысел в ХТ выглядит естественно, художественная правда не пострадала. Рисуя облик человеколюбивого абрека, любящего отца и сына, преданного своей земле борца за свободу, М. Мамакаев прибегает к образно-выразительным средствам, делая свою ключевую идею более выпуклой с помощью экспрессии тона и метафоризации стиля. Он упоминает «плотный, словно снежная лавина, туман», «беснующуюся», «ненасытную» реку Бас и ее «гневные воды», описывает, как, «словно ограда из кинжалов, выстроились острые вершины Макажоевских гор». Герой проводит много дней вне дома, проживая в лесу, любясь дубками, вязами, чинарами, маками, ромашками, луговыми травами. Он любил отчий край, свою родину. И это святое право просто жить на своей земле, которую он был призван судьбой обрабатывать, Зелимхан утратил – его отобрали царские генералы и чиновники, подкупившими местную знать.

Немалую роль в борьбе с «зелимханством» сыграли священники, имамы. Они называли народного героя

вероотступником, и это позволило колеблющимся чеченцам доносить на земляка. Мотивы подкупа и предательства, звучащие на периферии наррации, не являются второстепенными – это также структурообразующие элементы, единство которых укрепляет целостность и органичность структуры и композиции ХТ.

Показ событий революции на Кавказе свидетельствует о мастерстве автора как социального хроникера, о его сочувствии всем жертвам социальных потрясений, но в то же время о большой близости идей социализма авторскому мирозерцанию. Он показал, что бедняки вступали в Чеченскую Красную армию, чтобы сражаться не только с армией Деникина, но и ради того, чтобы реализовать программу советской власти – получить землю, грамоту, право на более свободную жизнь. Им мешали как казаки, царские генералы, так и местные богачи, «буржуи». Классовые бои высветили исторические противоречия традиционного общества, построенного на древних обычаях. Эпизоды столкновений, в том числе и вооруженных, выступают в качестве композиционных центров наррации.

Отмеченное выше многообразие мотивов и персонажей, делающее нарратив и событие рассказывания многоаспектной целостностью, предопределило, на наш взгляд, творческое сознание и интенции автора-повествователя. Ход истории диктует ритм повествования в романе, и композиция ХТ отражает этот вектор движения. Государственный террор, отсутствие должного учета обычаев, верований горцев, разрушение национального менталитета с помощью коррупции стали источником многолетних столкновений чеченцев с русскими, той почвой, на которой рождались неоднозначные национальные герои.

Примечания:

1. Дунюшкин И.Е. Юг России накануне катастрофы. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2003. 270 с.

2. Джамбекова Т.Б., Джамбекова О.А. К вопросу о литературно-фольклорных исканиях А.Д. Шерипова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2017. Вып. 3 (202). С. 114-118.

3. Мамакаев М.А. Мюрид революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1976. 225 с.

4. Мамакаев М.А. Зелимхан: роман. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1981. 232 с.

References:

1. Duniyushkin I.E. South of Russia on the eve of catastrophe. Yekaterinburg: Publishing house of Humanit. University, 2003. 270 pp.

2. Dzhambekova T.B., Dzhambekova O.A. On literary and folklore searches of A.D. Sheripov // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Iss.3 (202). 2017. P. 114-118.

3. Mamakaev M.A. Murid of revolution. Grozny: Chechen-Ingush Publishing house, 1976. 225 pp.

4. Mamakaev M.A. Zelimkhan: a novel. Grozny: Chechen-Ingush Publishing house. 1981. 232 pp.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.21; одобрена после рецензирования 27.05.2021; принята к публикации 30.06.2021.

The paper was submitted 29.04.2021; approved after reviewing 27.05.2021; accepted for publication 30.06.2021.

© Т. Б. Джамбекова, Д. С. Товсултанова, 2021